

ВРАГ У ВОРОТ

ФАНТАСТИКА

БЛИЖНЕГО

БОЯ

ОЛЕГ ВЕРЕЩАГИН

Возрождение

МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В31

Иллюстрация на обложке *Галины Прокопьевой*

Верещагин, Олег Николаевич.

В31 Возрождение / Олег Верещагин. — Москва : Эксмо, 2015. — 384 с. — (Враг у ворот. Фантастика ближнего боя).

ISBN 978-5-699-82811-1

Продолжение романа «Очищение»...

Отремела Третья Мировая война, ядерная зима уничтожила то, что не смогли уничтожить ядерные боеголовки, — привычные общественные отношения. Люди превратились в хищников. Рабовладение, торговля человеческими органами, разгул бандитизма и сектантства захлестнули все человечество. Россия не стала исключением, но только в ней бывшие военнослужащие и просто люди, сохранившие понятие о чести, сплотились в добровольческую Русскую Армию, возглавляемую бывшим офицером ВС РФ Николаем Романовым. Отныне растлители детей, каннибалы и религиозные изуверы не смогут спать спокойно...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-82811-1 © Верещагин О., 2015
© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Моей Женьке посвящается

Все шире ползут
кровавые пятна,
в железном прахе земля,
в пыли..
Так будь же готов
на подвиг ратный –
освобожденье вся земли!

*Ольга Берггольц,
Европа. Война 1940 года*

Предварение

ЗАПАСНЫЕ ПУТИ ОТКРЫТЫ

Мы мирные люди, но наш бронепоезд
Стоит на запасном пути!

М. Светлов

Дальневосточная Русь. Первые годы безвременья

Романов привык к тому, что по утрам снаружи воеет пурга.

Он просыпался, начиная в шесть утра свой рабочий день, под ее звук, похожий не то на стон умирающего, не то на злобный голос разумного существа. Он и засыпал под него, но — засыпая, понимал, что к чему и что происходит. А по утрам, в полусне, еще не открыв глаз, он часто удивлялся: разве сейчас не лето... поздняя весна... ранняя осень... так откуда?!

В Старом Владивостоке людей было очень мало. Большинство многоэтажных зданий, как и предполагалось, оказались слабо приспособлены к постоянным ветрам со снегом и морозом от тридцати до сорока градусов. Поддерживать в них нормальную температуру было просто невозможно. Но Большой Круг РА собирался по-прежнему в Думе, и сам Романов жил тут. Уже не в кабинете. Ему, в сущности, было все равно, но...

— Уезжаешь. — Голова Есенин пошевелилась на плече Николая. Голос был совсем не сонный.

Он, еще не проснувшийся толком, лишь теперь открыл глаза, секунду пытался понять сказанное, потом отозвался:

— Дела.

— Всегда дела. Для меня слишком мало места. — В голосе женщины не было обиды, только констатация факта.

Романов проснулся окончательно, повернул голову. Сердито сказал:

— Ну у тебя и характер.

— Потому и не тороплю тебя с женитьбой. — В голосе послышался смешок.

Романов сел, подумал, глядя в пол меж своих ступней. Снаружи все так же выла и скреблась пурга. Он сказал решительно:

— Едешь со мной. И ты, и Сенька. А женюсь я на тебе официально сегодня же... — И, видя, что Есения с изумленным лицом поднимается тоже, коротко заключил разговор: — Все. Приготовь завтрак, пожалуйста, если уж не спишь...

...С кухни запахло яичницей. Смешно, этакое дежурное блюдо, почти символ неумения что-то готовить, хуже только пельмени. Но Есения умела готовить яичницу дюжиной разных способов — и быстро, так что блюдо никогда не приедалось. Романов подошел к окну, раздвинул плотные шторы, заходящие одна за другую. За окном были редкие дрожащие цепочки фонарей в белесой мгле, заполнившей мир. Не получалось даже услышать других звуков, кроме стопа метели. Со стороны могло показаться, что весь многоэтажный дом плывет и плывет в белом колышущемся

океане — и больше ничего нет. Термометр со светящимся циферблатом, закрепленный за окном, показывал минус сорок два. Самое холодное предутреннее время, к трем часам дня будет градусов тридцать, может, даже поменьше.

А в Центральной России морозы иногда, по всем данным, доходят до минус шестидесяти...

Он передернул плечами. И вспомнил, как вчера вечером, улучив полчаса среди непрекращающегося, не собирающегося уменьшаться, не то что иссякать, потока дел, он учил Сеньку ездить верхом в манеже. И свои слова, обращенные к мальчику: «Не бойся, ты не упадешь... а если упадешь — не реви... мама смотрит, помаши ей... ты мужчина, пусть и маленький — а маленькому нужно быть смелей, чем взрослому!»

И Сенька ехал очень неплохо, видно было, что Романову не врали, когда говорили, что мальчишка упорно занимается. Ему явно хотелось, чтобы его езда понравилась именно Романову, хотя мама стояла рядом, за барьером, и смотрела, не отрываясь. А когда все-таки шлепнулся, стрельнул взглядом в сторону подавшейся вперед женщины и, стиснув зубы, поднялся сам, стал отряхивать штаны...

У Есении была не очень приятная привычка — когда Романов ел, сидеть напротив и смотреть с таким видом, что хотелось дать ей щелбан. В этот раз он почти собрался с духом, но женщина совершенно неожиданно протянула руку, провела пальцами по волосам надо лбом и сказала:

— А ведь ты почти весь седой, — и добавила совсем уже тихо: — Мой седой волк.

* * *

Это было прошлой весной. Хотя от весны — одно название. Все испытывали некое томление — подсознательно ждали: сейчас начнет сходить снег, выглянет солнце... В те дни случалось много скандалов и конфликтов «на ровном месте», даже несколько самоубийств произошло. Он тогда находился у Юрзина, который теперь держал свою ставку в Камень-Рыболове, занимался восстановлением экосистемы озера и местной рыболовецкой промышленности. И в одиночку отправился на конную прогулку.

Он до вечера ездил по полям, заросшим бурьяном, торчащим сквозь постоянно курящийся дымкой снег, потом проехал окраиной давно заброшенной и уже разрушившейся деревни и встал возле развалин старого рыбозавода, остановленного и полуразобранного еще в девяностые годы. Тут, между стен, было почти бесснежно, почти тихо, но тревожно, на темном небе алым полыхали переливчатые сполохи. Романов прошел, ведя коня в поводу, вдоль глухой стены с остатками транспортера на цепях, превратившихся от ржавчины в прутья, постоял рядом с ямой, в которой лежали несколько скелетов, полузасыпанных глиняной крошкой. На стене над ямой было написано несколько матерных слов, а в бурьяне лежали гильзы — старые, прошлогодние.

Впереди виднелось здание — видимо, контора. В ней Николай и решил заночевать. И едва он об этом подумал, как вечерний воздух дернул выстрел — выстрел охотничьего ружья. Ему ответила пальба минимум из трех стволов: пистолета и двух автоматов.

Николай закинул конский повод за какую-то торчащую из стены скобу, задумчиво почесал коня над глазами. Снова бухнуло ружье, и Романов даже увидел, откуда, — со второго этажа. Что происходит во дворе — не было видно за бетонным забором, накренившимся, исцербленным, но целым.

— Пойти посмотреть? — бросил Романов вопрос в окружающее его пустое пространство. Вдохнул, чертыхнулся. Подумал, что надо было взять конвой. Ну вот надо было! А лезть — не надо.

И, на ходу доставая «макар», потрусил — вроде бы небыстро, но в то же время бесшумно и ловко — к забору...

Диспозиция была простая. Со второго этажа кто-то отстреливался из ружья (как раз когда Романов подбежал к дыре в заборе, бухнул еще один выстрел). Посреди двора из заброшенного фонтана комично торчали ноги в обрезанных кирзачах — там валялся убитый. Сколько тут было еще народу — оставалось неясным.

— Уходите, не трогайте нас! — вдруг послышался со второго этажа женский голос — злой, испуганный, но безнадежный. В ответ засмеялись — сразу из нескольких мест. Потом веселый тенорок ответил:

— Да ты че, милая, кто ж тебя тронет-то?! Ты сама... И кончай палить, все одно Вовчик уже тама у тебя! О мальчонке подумай!

Кричали из-за угла здания. Судя по услышанному, кто-то из нападающих уже внутри... и... ага! Бородатый мужик с автоматом — «АКС-74» — лежал за наметенным сугробом, водил стволом по окнам.

В здании — женщина и, если верить тенорку, ребенок. Женщины бывают разные, дети тоже. Но

от этих криков и от вида мужика с автоматом за версту несло бандой.

Мужик дал по окнам очередь. Его окликнули:

— Да хватит уже! Убьешь еще, покойную сам пользоваться будешь!

— Мне и покойная... — откликнулся автоматчик и, привстав на локтях, ткнулся в разложенный приклад лбом. Романов попал ему в основание черепа и спросил спокойно, громко:

— Ничего, если и я повеселюсь? — и отдернул голову от пролома.

Тдах! В полуметре от лица Романова брызнула кирпичная крошка, резко запахло окалиной. Романов присел на колени и ответил выстрелом — туда, где сознание зафиксировало вспышку, — тдыщ! Тдах, тдах! Человек перебежал от угла здания, стреляя на бегу — тдах, тдах! Тдыщ! Романов в ответ на четыре выстрела на бегу ответил одним, короткий ствол «макара» дернулся — бежавший кувыркнулся через плечо, взбрыкнул ногами, раскидал их и остался лежать.

Плохой пистолет — «макар».

Если стрелять не уметь.

Романов «скрутом» ушел вниз и прислушался. Потом свистнул. От дверей метнулся — не выдержал — еще один человек, стреляя на бегу веером. Романов вел его шагов пять, положив ствол пистолета на предплечье, потом — тдыщ!

— Ай-ай-ай! — отчаянно закричал бегущий, падая. Привстал, пополз... затих.

— Все, кажется, — резюмировал Романов и окликнул: — Сударыня на втором этаже, их было сколько?

— Не подходите, я буду стрелять! — ответил женский голос.

— У меня такое ощущение, перерастающее в убеждение, — пробурчал Романов, пролезая в дыру, — что вам элементарно нечем...

Первым делом он подошел к застреленному последним. Парень лет шестнадцати-восемнадцати был мертв, пуля попала в печень и, видимо, буквально взорвала ее. В фонтане, утонув головой в снегу, лежал еще один, лет на пять постарше, с развороченной грудью и спиной — это сработало охотничье ружье. Под стенкой валялся вооруженный «АПС» с пристегнутой кобурой-прикладом пожилой мужичонка с благообразным елейным лицом садиста — полуседую бородавку испачкала кровь изо рта, кровь была и на выскользнувшем из-за ворота засаленного камуфляжа богатом на тельном крестике. Николай «угостил» его в кадык.

— Дерьмо, — вынес вердикт Романов, зевнул и направился к проему входа.

На лестнице было бесснежно, зато застарело воняло стылým ссаньем, стены были в черных звездочках от погашенных окурков и бессмысленных довоенных надписях и рисунках. Романов присмотрелся, прислушался — получить на голову табурет или шкаф было бы глупо — и взбежал по лестнице на второй этаж.

То же самое. Слева шли окна наружу, справа — вынесенные двери в комнаты.

— Я умоляю вас, не бейте меня палкой или чем-то еще, — громко сказал Романов. Заглянул в первую же комнату и понял, что дальше идти не надо.

Русоволосая, среднего роста, женщина держала на руках мальчика — лет шести-семи, светленького. Мальчишка с усталым испугом смотрел через плечо на вошедшего человека, обнимая женщину

руками за шею. В глазах женщины тоже была усталость — без испуга, только усталость. В грязной теплой камуфляжной куртке, неподвижная, она чуть закусил губу и не сводила глаз с человека в дверях. Кругом лежали с десятков гильз и ружье — двустволка-горизонталка 16-го калибра.

— Не трогайте сына, — сказала женщина. У нее был непривычный говор — нездешняя.

— Я не трону даже вас, — хмыкнул Романов, убирая пистолет. — Но хочу сказать, что это неразумно — вдвоем с маленьким ребенком... эй, куда?!

Женщина покачнулась и мягко осела на пол, раньше чем Романов успел ее подхватить. Но в последний момент он принял ойкнувшего мальчишку на грудь и живот, чтобы не ушибить. Тот заплакал, отвернув от подскочившего мужчины лицо. Романов сдернул с пояса фляжку, побрызгал, чертыхнулся... но женщина как раз открыла глаза.

— Мы уже долго ничего не ели... — Она говорила еле слышно.

Мальчик плакал и теребил женщину за рукав, шепча:

— Мама, мама...

— Сеня третий день... я... не помню... Долго...

...Коня Николай завел внутрь, под лестницу, пообещал:

— Скоро приду, займусь тобой.

Конь фыркнул вслед хозяину — ему не нравились запахи вокруг. Но Николай, неся седельные сумки, уже поднимался на второй этаж.

Женщина и мальчик сидели в углу, прячась от ветра из окна. Мальчишка уже не плакал, только жался к матери, а та устало посмотрела на вошедшего мужчину и опустила глаза. Романов поймал

себя на мысли, что пытается понять, красивая она или нет. Ему нравились рослые и светловолосые — эта была, в общем-то, такая, но глаза — в черных кругах, губы тоже темные; во всем лице временами проглядывала полудетская беспомощность.

— Ешьте. — Романов сердито распотрошил сумку, бросил сухари и полосу вяленого мяса женщине. — А, черт... Мелкого не корми. — Он отстранил руки мальчика. Тот расширил глаза, жадно поглядел на еду в руках матери и опять захныкал, но неуверенно, испуганно косясь на мужчину. — Потерпит, он сейчас от такой еды после двух дней поста подохнуть может... Бульоном напою... Мелкий, собери щепки, — кивнул он мальчишке и полез в сумку за суповыми кубиками и большой флягой.

— Собери, Сеньчик, — негромко сказала женщина, слегка оттолкнув от себя мальчика.

— У меня внизу конь. Да и оружие надо забрать у этих... — Романов встал. — Вот вода, котелок, еда... Сможешь огонь развести и приготовить бульон или тебе плохо очень?

— Я все сделаю, — коротко ответила она, вставая — вроде бы без труда.

— Ну тогда я сейчас приду, — пожал плечами Романов...

Стемнело. Во все щели потягивало ледяным ветерком, и Романов досадливо подумал, что огонь видно издалека, как маяк, — надо было хоть на первый этаж спуститься: с чего это он так поглупел? Мальчик и женщина устроились у огня напротив. Женщина смотрела в пламя. Мальчишка спрятал голову у нее на боку и посапывал, но глядел оттуда уже не только с испугом, но и с любопытством.